

*В день памяти преподобного чудотворца
Серафима Саровского, моей дочери посвящаю*

На улице стоят рождественские морозы. Сегодня 15 января. День короткий. Ветер колючий да шальной свищет. Сидит старый воробушек, голову склонил, на самой тоненькой веточке. Один глазок у него приоткрыт, сам напыжился, надулся, как шарик шерстяной. Холодно воробушку, хоть он и сыт. Сыт, потому что опытный, а опыт-то великое дело. Тут семечко нашёл, а здесь у голубей неповоротливых сташил.

Надо, ой как надо на ночь местечко потеплее найти. То ли дело летом! Одна баба тут по лету цыплят держит, ох, злая! Ну да, взял я из её кастрюли каши чуток, сколько в мой клюв-то входит! Так она давай меня веником гонять, да вдогон его кинула. А её глупые курята, тоже мне птицы, всю кашу влёт по земле разбрызгали. Да давай лапищами по ней, по пище-то! Нечего с них брать, жизнь их коротка, ума не наберутся. Одним словом, куры-дуры! А когда их, неразумных, в клетку вечером загнали, тут я потешился. Припомнил, как они за мной по двору гонялись, сел сверху на решётку и всё высказал! А потом туда и... О чём и жалею – возраст почтенный, а я всё шалю.

У той бабы был дедок. Цыплят он не кормил, но в клетку похаживал, всё бутылочки какие-то прятал. Так та баба его тем же веником, тем же веником, как меня, гоняла! Похоже, прихлопнула, не видно дедка. Жалко мне людей, бескрылые!.. Были бы у деда крылья, спасся бы или хоть жил в клетке вместе с цыплятами. Видал я таких особей! Всё повторяют за хозяевами, в рот им смотрят с пристрастием, и всё за кормёжку, за кормёжку! Зовут их попугаями.

А я птица вольная, в клетке не живу, хоть и живём-то мы, воробьи, всегда с людьми по соседству.

Нечему у них учиться! Дедок тот ранее в другом скворечнике жил, с другой бабкой, а у меня моя Чирика одна на всю мою жизнь воробьиною. И выводков своих желторотеньких мы не бросаем, из рогаток не стреляемся. Вон как до сих пор болит моё левое крыло, подстреленное внучком бабкиным из рогатки.

Эх, скорее бы весна! Солнце загреет, трава зазеленеет, я каждое утро буду радостно распевать своей Чирике: «Радость моя!» Берёзы, тополя и черёмухи распустят свои клейкие, пахучие листья, и мы с моей Чирикой начнём готовить гнездо для новых выводков. И всё-то нас будет устраивать в этой жизни, потому что довольны тем, что имеем. Корму хватает, а лишнего, про запас, нам не надо. Да только они, люди, не перестанут обманывать и мучить себя и друг друга, гоняться и убивать вениками, пулять из рогаток. Наверно, люди считают, что главное не эта Божья красота мира земного, данная для всех существ, красота, располагающая к согласию и любви, а главное – это то, что они сами выдумали: побольше запасов накопить в своих скворечниках, послаще поесть.

Переживём зиму-то, чай скоро весна!

Опа! Девчонка печенье уронила! Не зевай! Пошевеливайся! Бери с подлёта!

Эх, молодёжь!